

Проведя подневольно в постели два дня, Хань Хэн с удивлением обнаружил, что его вечно немощное тело восстанавливается на редкость быстро. Лицо уже не так сильно ныло, а налившиеся синевой синяки хоть и не сошли, но прикосновения переносили вполне сносно.

Они проспали почти до полудня, после чего Чжуан Лин повёл его вниз, на обед. Хотя спали они в одной комнате, юноша вставал на рассвете. Хань Хэн понятия не имел, во сколько именно уходил его спутник, — стоило открыть глаза, как постель рядом уже пустовала.

Чжуан Лин раздобыл для него новые одежды и обувь.

— Поноси пока это, — мягко сказал он. — Потерпи пару дней, а как вернёмся в столицу, я прикажу сшить для тебя самые лучшие наряды.

Хань Хэн с довольным видом вертелся перед крошечным, размером едва ли больше ладони, бронзовым зеркалом. В мутной, подёрнутой патиной поверхности отражался на удивление изящный силуэт. Изувеченное лицо, конечно, зрелищем было не из приятных, но вот фигура... От собственных очертаний у Хань Хэна сладко заныло под ложечкой. Тонкий стан, упругие округлые бёдра — в любую эпоху и в любом мире такой силуэт заставил бы мужские сердца биться чаще.

Одно плохо — досталось всё это великолепие парню.

Стоило им спуститься в общий зал, как Хань Хэн поймал на себе десятки чужих взглядов. Однако ледяной вид его спутника быстро остудил чужое любопытство: суровый, точно высеченный из гранита силуэт Чжуан Лина заставлял зевак поспешно отводить испуганные глаза.

Сам же Хань Хэн, впервые выбравшись пообедать наружу, с интересом озирался по сторонам. Ему невольно подумалось, что местный антураж на редкость удачно имитирует старину — декораторы в Хэндяне позавидовали бы такой аутентичности.

Пока они ждали заказ, в трактир ввалился десяток мужчин. На всех были глухие чёрные дорожные костюмы, а волосы стянуты в высокие хвосты — типичный вид наёмных рубак. Не церемонясь, они направились напрямик к хозяину заведения и перебросились с ним парой тихих слов.

Закончив разговор, незваные гости рассыпались по залу. Они бесцеремонно хлопали посетителей по плечам, заставляя тех оборачиваться и показывать лица.

Один из вошедших держал в руках развёрнутый свиток. Хань Хэн мазнул по нему случайным взглядом и обомлел: портрет, выполненный тушью, казался невероятно живым. Тонкие мазки кисти запечатали благородный высокий лоб, мягкие очертания лица и чувственные, точно вырезанные из нефрита губы. Но главным шедевром были глаза — чуть приподнятые у внешних уголков, они придавали юноше женственную, почти эфемерную красоту, которая

разительно контрастировала с его холодным, высокомерным и неприступным взглядом.

Подобную деталь художник мог уловить лишь в двух случаях: либо он обладал гениальным талантом, либо знал беглеца слишком хорошо.

Кулак Чжуан Лина на мгновение сжался на грубой столешнице, но тут же расслабился. Бросив мимолётный взгляд на Хань Хэна, который всё ещё с любопытством вертел головой, юноша демонстративно отвернулся и окликнул пробежавшего мимо слугу, спрашивая о заказе.

— Сию минуту, почтенные, всё почти готово! — заискивающе заулыбался тот. — Извольте пока испить свежего улуна, сейчас поднесу.

Мужчина со свитком вскоре остановился у их стола.

— Прошу прощения за беспокойство, — вежливо произнёс он. — Мы ищем человека с этого портрета. Не доводилось ли вам встречать его на дорогах?

Хань Хэн, разумеется, никого подобного не видел и мотнул головой:

— Какая редкостная красота. Если бы встретил, уж точно бы не забыл.

Один из стоявших позади наёмников презрительно фыркнул.

— Не видели, — отрезал Чжуан Лин.

— Погодите, — негромко бросил он спутникам.

Хань Хэн растерянно покосился на Чжуан Лина. Сам Чжуан Лин тоже ни капли не походил на изнеженного юношу со свитка.

— Ой-ёй! — истошно взвизгнул трактирный слуга.

Он неловко покачнулся, и поток кипятка из чайника хлынул прямоком на развёрнутый свиток. Тонкая бумага мгновенно потемнела, а изящные черты лица на портрете расплылись бесформенной грязной кляксой.

— Рукожоп паршивый! Куда глядишь?! — взревел один из преследователей.

Услышав крики, лавочник Янь поспешно выбежал из-за стойки. Он так яростно кланялся и рассыпался в извинениях, что едва не задевал лбом пол, судорожно обещая возместить все убытки.

— Возместить?! Да у тебя кошелька не хватит! — прорычал наёмник. — Как ты чай разносишь, урод? Этот рисунок для нас бесценен! Старина Чжу, что делать-то теперь? — уже тише спросил он предводителя.

Обиженный до глубины души слуга шмыгнул носом. С покрасневшими глазами он украдкой зыркнул на Чжуан Лина. Он был готов поклясться, что этот угрюмый гость подставил ему подножку. Но стоило парню полететь вперёд, как нога мужчины уже мирно покоилась под столом.

«Может, показалось?» — уныло подумал бедолага.

Клиент всегда прав, спорить себе дороже, так что оставалось лишь молча глотать слёзы и выслушивать брань хозяина.

Старина Чжу, мужчина средних лет с увядающей, обвисшей кожей и вечно утомлённым видом, обладал на редкость цепким взором. Его маленькие, глубоко посаженные глаза сощурились. Скользнув взглядом по дрожащему слуге, он уставился на Чжуан Лина тяжёлым, ястребиным взором.

— Погодите, — негромко бросил он спутникам.

Хань Хэн растерянно покосился на Чжуан Лина. Сам Чжуан Лин тоже ни капли не походил на изнеженного юношу со свитка.

— Ой-ёй! — истошно взвизгнул трактирный слуга.

Он неловко покачнулся, и поток кипятка из чайника хлынул прямоком на развёрнутый свиток. Тонкая бумага мгновенно потемнела, а изящные черты лица на портрете расплылись бесформенной грязной кляксой.

— Рукожоп паршивый! Куда глядишь?! — взревел один из преследователей.

Услышав крики, лавочник Янь поспешно выбежал из-за стойки. Он так яростно кланялся и рассыпался в извинениях, что едва не задевал лбом пол, судорожно обещая возместить все убытки.

— Возместить?! Да у тебя кошелька не хватит! — прорычал наёмник. — Как ты чай разносишь, урод? Этот рисунок для нас бесценен! Старина Чжу, что делать-то теперь? — уже тише спросил он предводителя.

Обиженный до глубины души слуга шмыгнул носом. С покрасневшими глазами он украдкой зыркнул на Чжуан Лина. Он был готов поклясться, что этот угрюмый гость подставил ему подножку. Но стоило парню полететь вперёд, как нога мужчины уже мирно покоилась под

СТОЛОМ.

«Может, показалось?» — уныло подумал бедолага.

Клиент всегда прав, спорить себе дороже, так что оставалось лишь молча глотать слёзы и выслушивать брань хозяина.

Старина Чжу, мужчина средних лет с увядающей, обвисшей кожей и вечно утомлённым видом, обладал на редкость цепким взором. Он прищурил маленькие, глубоко посаженные глаза. Скользнув взглядом по дрожащему слуге, он уставился на Чжуан Лина тяжёлым, ястребиным взором.

Сам юноша и ухом не повел. Он невозмутимо придвинул одну из пиал Хань Хэну, а вторую взял сам. За последние дни Хань Хэн настолько привык к его заботе, что принимал из рук попутчика любую еду и питье без лишних вопросов. Даже сейчас, когда воздух в трактире, казалось, можно было резать ножом, Хань Хэн оставался уверен, что их эта заварушка не касается.

— Что-то обед задерживается. Братец, сходи-ка на кухню, поторопи их, — добродушно вмешался Хань Хэн, явно пытаясь спасти бедного слугу от взбучки.

— Наш старшой разговор не закончил, а ты уже жрать собрался?! — взвился один из молодых наёмников и со всей дури грохнул ладонью по столу. — Проголодался — иди в нужник дерьмо хлебать, урод паршивый!

Хань Хэн даже рот приоткрыл от такой наглости. Будь он в своём времени, никто бы не стал из-за нелепой случайности устраивать сцену и третировать официанта, ведь худой мир лучше доброй ссоры. Он никак не ожидал, что его невинная попытка сгладить углы вызовет у этих громил такую вспышку ярости.

— Кого ты сейчас уродом назвал? — раздался тихий, леденящий душу голос.

Чжуан Лин даже глаз не поднял. Он неторопливо вытащил из бамбукового стаканчика две пары палочек для еды и одну из них протянул Хань Хэну.

— Да его, кого же ещё! Родиться образиной — не порок, но вылезать с такой рожей на люди и портить честным людям аппетит — это уже преступление! — брызжа слюной, заорал юнец, выпучив глаза.

Старина Чжу резко дернул его за рукав, пытаясь заткнуть.

Договорить тот не успел.

Воздух прошил короткий, яростный свист, и в ту же секунду трактир содрогнулся от пронзительного, нечеловеческого вопля. Буян рухнул на дощатый пол, скорчившись, точно ошпаренная креветка, и забился в конвульсиях, истошно воя от невыносимой муки.

Всё произошло настолько молниеносно, что никто даже не успел моргнуть.

Присмотревшись, Хань Хэн похолодел: сквозь плотно сжатые пальцы парня густо хлестала тёмная кровь, пачкая пол жирными алыми каплями. Его тело сотрясала крупная дрожь.

Хань Хэн испуганно перевёл взгляд на Чжуан Лина.

Бамбуковых палочек, которыми тот только что небрежно постукивал по столу, в его руках больше не было. Они валялись чуть поодаль от головы корчащегося юноши — две окровавленные щепки на грязном сером полу, от одного вида которых бросало в дрожь.

Хань Хэн застыл с полуоткрытым ртом.

«Охренеть... Средь бела дня взять и выколоть человеку глаза...»

Он испуганно огляделся по сторонам, ожидая криков или паники. Но в зале стояла мертвенная, звенящая тишина. Посетители за соседними столами, бледные как смерть, поспешно уставились в свои тарелки, продолжая молча жевать, словно ничего не произошло.

На щеке Старины Чжу нервно дёрнулся мускул. Его лицо окаменело, а взгляд, устремлённый на Чжуан Лина, стал мрачнее грозовой тучи.

— Что? — Чжуан Лин лениво потянулся к бамбуковому стакану и достал новую пару палочек.
— Решили остаться? Хотите, чтобы я вас обедом угостил?

Хань Хэн открывал и закрывал рот, но так и не решился издать ни звука. Он понятия не имел, что сказать, да и подставляться под удар не хотелось. В конце концов, они с Чжуан Лином были повязаны одной верёвочкой, вот только его спутник явно не походил на беззащитную жертву.

Несмотря на простую, неброскую одежду, манеры юноши выдавали в нём человека благородного происхождения. За эту короткую вспышку насилия Старина Чжу успел разглядеть у него на поясе резную нефритовую подвеску-хуан. И, судя по всему, узнал её.

— Простите нижайше, не признал Юного принца, — едва слышно прошептал Старина Чжу, склонившись к самому уху Чжуан Лина так, чтобы посторонние ничего не уловили. — Мои люди проявили непростительную дерзость. Умоляю, пощадите их глупость.

Трактирщик с несчастным слугой, хоть и вытягивали шеи изо всех сил, не расслышали ни слова и лишь растерянно переглядывались.

— Почтенные господа, помилуйте! — обливаясь холодным потом, запричитал хозяин заведения. — Как же так... зачем же сразу калечить...

— Вам показалось, лавочник Янь, — властно оборвал его Старина Чжу. — Парень сам проявил неосторожность и покалечился. Эти господа здесь ни при чём.

Услышав это, его подчинённые переглянулись и без лишних слов подхватили воющего от боли юнца под руки.

Сам Старина Чжу уходить не спешил. Он замер в глубоком поклоне, угодливо опустив плечи и выказывая крайнюю степень почтения.

Трактирщик мгновенно прикусил язык. Он впервые видел этих людей в чёрном, но предводитель безошибочно назвал его по фамилии — значит, они навели о нём справки ещё до того, как переступить порог. Поняв, что вляпался в разборки сильных мира сего, хозяин заведения лишь испуганно косился на провинившегося слугу. Тот стоял ни жив ни мёртв, не смея поднять глаз, а по спине его струился ледяной пот.

— Вон, — небрежно бросил Чжуан Лин.

Напряжённое лицо Старины Чжу заметно расслабилось. Коротко кивнув, он скомандовал своим людям уносить раненого, и вся банда стремительно покинула заведение.

Хань Хэн так и застыл, ошарашенно глядя им вслед. Тем временем перепуганный слуга принялся спешно замывать кровь на полу, а хозяин лично побежал на кухню проверять заказ.

— Кто... кто это был? — Хань Хэн нервно сглотнул, чувствуя, что если сейчас не нарушит молчание, то просто задохнётся от повисшего в воздухе напряжения.

— Так, назойливые мухи, — равнодушно отозвался Чжуан Лин.

Жестокий, убийственный блеск в его взгляде исчез без следа, уступив место привычной мягкости. Когда наконец подали обед, он заботливо налил Хань Хэну супа и принялся, как обычно, подкладывать в его пиалу самые лакомые кусочки.

Весь этот обед Хань Хэн просидел как на иголках. Еда не лезла в горло, желудок казался переполненным от страха, но он всё равно послушно съел всё до последней крошки, не смея перечить своему грозному защитнику.

Вернувшись в комнату, Хань Хэн продолжал упорно молчать. Чжуан Лин укладывал вещи, увязывая их в тот самый скромный дорожный узелок из синей ткани, с которым они прибыли в город.

Хань Хэн покосился на этот узел. Он прекрасно знал, что внутри лежит короткий меч и мешочек с солью, а в голенище мягких кожаных сапог юноши прячется острый кинжал. Впрочем, оружие Чжуан Лину было без надобности — в его руках смертоносным клинком могло стать всё что угодно.

Увиденное внизу не шло у него из головы. Слишком дико, слишком нереально. Всего за пару мгновений этот улыбчивый юноша лишил человека зрения. В прошлой жизни Хань Хэн прочитал бы об этом в криминальной хронике и долго сокрушался бы в комментариях о жестокости современных людей. Здесь же свидетели расправы повели себя так, словно парень просто пролил чай. Обыденно, серо, безжалостно.

— Чжуан Лин... — нерешительно позвал Хань Хэн.

Юноша закинул узелок за плечи и с лёгкой, доброжелательной улыбкой обернулся. В последнее время его улыбки стали выглядеть куда естественнее и привлекательнее, но сейчас эта мягкость нисколько не успокаивала. Напротив, от неё по спине Хань Хэна пробежал мороз.

Хань Хэн тревожно всматривался в его лицо, прикусив губу.

— Что такое? — мягко спросил Чжуан Лин.

Словно догадавшись о его мыслях, он приподнял подбородок Хань Хэна кончиком пальца и нежно погладил кожу. Лицо бедняги всё ещё покрывали жуткие ссадины, но полоска кожи от челюсти до шеи оставалась нетронутой и гладкой.

— Этот негодяй распускал язык слишком вольно, — негромко продолжил Чжуан Лин, глядя ему прямо в глаза. — Ты можешь прощать обиды, это твоё право. Но я не позволю всякому сброду так разговаривать с моим...

Он внезапно осёкся.

«С моим кем?» — растерянно подумал Хань Хэн.

Напряжение стиснуло грудь, заставив его сильнее закусить губу.

Чжуан Лин мимолётно и лукаво усмехнулся.

— Я хотел сказать, что никто не смеет оскорблять людей, которые мне дороги. Я лишь

преподал ему урок, — он внимательно, не упуская ни единой детали, изучил выражение лица Хань Хэна и добавил совсем тихо: — Прости, гнев затуманил мне разум, и я перегнул палку. Больше такое не повторится. Я сильно напугал тебя?

Хань Хэн порывисто мотнул головой, но на душе у него по-прежнему скребли кошки. Похоже, к правилам выживания в этом мире ему придётся привыкать ещё очень долго.

<http://bllate.org/book/20487/2131357>